

Вячеслав Туркменский

Байки зампотеха

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вячеслав Туркменский

Байки зампотеха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72223618

SelfPub; 2025

Аннотация

Несанкционированные взрывы стратегических ракет, автомобиль, едущий на армейском киселе, не белорусские креветки в пустыне и барракуды пониженной социальной ответственности – всё это вы найдете в этой книге. Увлекательные армейские байки и захватывающие приключения, основанные на реальных событиях от бывалого зампотеха.

Содержание

ОБ АВТОРЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	6
КАК ИНОГДА ПЕРЕХОДЯТ ГРАНИЦУ	7
ПОЧЕМУ КУРИТЬ ВРЕДНО, ОСОБЕННО В АВТОМОБИЛЕ	12
ДА ПОШЛИ ВЫ НА СО СВОЕЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТЬЮ	15
БАЛАДА О ВОНЮЧЕМ СЫРЕ	19
О САМОМ ХИРУРГИСТОМ ХИРУРГЕ И ЛЕЧЕБНОМ БАРАНЕ	24
АРМЕЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ	29
О ГРУЗИНСКИХ ПРИЗЫВНИКАХ И КИЛЬКЕ В ТОМАТЕ	38
НЕ МЕНЯЙТЕ ВОДИТЕЛЯ ВО ВРЕМЯ ДВИЖЕНИЯ	43
ОПЕРАЦИЯ «КОНОТОП»	47
ДИАРЕЙНЫЙ ЭШЕЛОН	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Вячеслав Туркменский

Байки зампотеха

ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Николаевич Козорезов по профессии – военный инженер радио-технических комплексов зенитно-ракетных войск, отдал делу служения в советской, а затем в российской Армии 30 непростых лет. Причем, пятнадцать из них – он провел в Туркестанском Краснознаменном военном округе. Поэтому и некоторые байки, заметки или рассказы) он подписывает псевдонимом – Туркменский.

В настоящее время, находясь на пенсии, Вячеслав Николаевич ведет активный образ жизни, продолжает заниматься творческой и общественной работой. Например, ведет блог и написал эту книгу.

ВВЕДЕНИЕ

Несанкционированные взрывы боевых ракет, автомобиль, едущий на армейском киселе, не белорусские креветки в пустыне и барракуды с пониженной социальной ответственностью – всё это не пустые фантазии, а «суровые» армейские будни. Обо всем этом Вы узнаете, прочитав мемуары самого настоящего зампотеха, который лейтенантом начал служить в СССР, и стал полковником российской армии, отслужив в тринадцати армейских гарнизонах. Его глазами вы увидите какой была армия в 70 и 90-ые годы. В тот непростой период из истории нашей страны, когда армия перестала быть советской и стала армией Российской Федерации.

Вы узнаете, как это было, от человека, который сам участвовал в тех событиях. Когда армия оправилась после внутренних междоусобиц и начала свой путь к тому, чтобы стать одной из самых сильных армий в мире.

И всё благодаря чему? Тому, что нет предела армейской смекалки. Как там по классике: «Армия – не просто доброе слово, а очень быстрое дело. Так мы выигрывали все войны. Пока противник рисует карты наступления, мы меняем ландшафты, причем вручную». Ну как-то так.

Валерия Швец.

КАК ИНОГДА ПЕРЕХОДЯТ ГРАНИЦУ

Это было во времена СССР. Прошло всего несколько месяцев после окончания мною военного училища, когда эйфория от начала лейтенантской службы еще не прошла. Получаю я как-то приказ начальника штаба своего полка: “выехать ночью на стрельбище и подготовить его к стрельбе из стрелкового оружия”.

Была глубокая осень. Погода стояла отвратительная, было холодно и мокро. Никакой армейской романтикой здесь и не пахло, а была будничная армейская проза жизни и посему ехать ночью в лес мне не очень хотелось. И я попытался “отвертеться” от этого задания, заявив на инструктаже начальнику штаба, что дорогу на стрельбище я не знаю и никогда там не был. “К тому же, со здоровьем у меня не очень”, – для пущей убедительности пару раз чихнул в его сторону. Но начштаба был человек опытный, мое замечание о состоянии здоровья он пропустил мимо ушей, и в общем-то на мое здоровье ему тоже было начхать. А насчет знания дороги он меня успокоил: “мол, у тебя толковый опытный водитель, который был там много раз, он довезет как надо.”

Поручение было ответственным- стрельбы должны были проводиться в соответствии с планом боевой подготовки под

присмотром грозных дядей из штаба дивизии и «опростоволоситься» нам было ни как нельзя. Стрельбище принадлежало чешской полиции, но нам разрешали им пользоваться с условием, что оборудование мы устанавливаем свое.

Работы предстояло много. За ночь, к 8.00 утра надо было развернуть стрельбищный автоматизированный комплект и телефонную связь, установить палатку и еще кое-какое имущество. А на рассвете должен был приехать мой командир батареи управления и выставить в оцепление бойцов с радиостанциями.

В мое распоряжение был выделен грузовой Урал-375 с действительно хорошим водителем Мирошником (кстати – он был мой одноклассник) и еще одним бойцом в помощь. Мы загрузили в машину все необходимое имущество и после солдатского ужина выехали на стрельбище.

Надо сказать, что наш замечательный полк был дислоцирован в красивом и уютном чешском городке в 4-х км от границы с тогдашней ГДР, а само стрельбище находилось в лесу почти на самой «ленточке». Так у нас называли государственную границу между ЧССР и ГДР. До стрельбища было не очень далеко: всего 15 минут езды по городу и меньше часа по лесу.

Едем, значит, мы втроем в кабине (тогда еще разрешалось находиться в кабине втроем). Водитель рулит, второй боец откровенно спит, я дремлю в пол уха. Ну вот, проходит уже явно больше часа и я уже не дремлю, забеспокоился, спра-

шиваю водилу: «Много еще?». Тот в ответ: «Сейчас где-то будет лесная развилка, повернем и еще минут 15». Едем еще пол часа, ни хрена, ни каких развилоч. Остановились. Вышли из машины. Вокруг черная мгла, понятно только одно: поворот мы проскочили, а дорога такая, что развернутся на нашей машине не возможно. Решили ехать дальше до ближайшей опушки, где можно развернуться. Поехали. Смотрим: деревья начали редеть, а между ними замелькали огоньки. Мы насторожились, вернее насторожился я, а Мирошник-то все уже давно смекнул, но молчал стервец.

Выехали из леса и перед нами распротёрся небольшой населенный пункт, вернее – деревня, а перед ней дорожный указатель с надписью по немецки «Wiesen Weg». И тут мои подозрения приобрели реальность – я понял, что это была уже Германия. Самый первый дом в деревни, из которого доносились музыка и громкие голоса, вероятно был гаштетом, то еть пивной по-нашему. Но самое неприятное: перед гаштетом стояли два полицейских мотоцикла.

Мне очень не хотелось отвечать за незаконный переход границы так, как это грозило долгим разбирательством в немецком полицейском участке и минимум – срывом моего служебного задания, а значит и стрельб со всеми вытекающими последствиями.

Я приказал Мирошнику быстренько развернуться и давать от сюда «газу». Но толи полицейские услышали звуки нашей машины, то ли увидели в окнах свет наших фар, но

один из них выскочил из гаштета и быстренько направился к нам, да еще и засвистел в свисток, что бы мы остановились.

Так, как от мотоцикла в лесу удрать у нас шансов не было, пришлось подчиниться и мы остановились.

Полицейский – молодой симпатичный парень с типичным арийским (но приятным) лицом не спеша, развязной походкой, которая мне сначала очень не понравилась, так как была похожа на походку наших родных советских гаишников, подошел к нашему Уралу и обошел вокруг него. Я вылез из кабины, полицейский – ко мне. На вполне сносном русском языке он спросил: «Ну, что комрады, заблудились?». Я в ответ ему, что то мычу: – «да вот так, как бы нечаяно... ехали на стрельбище». Он заглянул в кузов: «Что везете? Контрабанды нет?». Я ему типа: «Если бы, так от куда?». Он попросил подождать его и пошел к своему мотоциклу. Ну, думаю, всё, сейчас скажет ехать за ним в полицию. Но полицейский подъехал, встал впереди нашей машины, махнул рукой и поехал в сторону леса, мы за ним.

Так он довел нас до поворота на стрельбище, там угостил бойцов сигаретами, а меня жвачкой (т.к. я не курю), потом пожелал нам счастливого пути и укатил восвояси. Мы даже толком не успели поблагодарить его.

Минут через 15-20 мы были уже на стрельбище и активно принялись за работу. До рассвета оставались какие-то три часа, мы торопились.

Стрельбы прошли, как говорят – «по маслу», полк полу-

чил хорошую оценку, а мой командир батареи – благодарность за качественное техническое обеспечение стрельб. Что же касается меня: не наказали, ну и ладно.

Так я в первый раз (но не в последний) побывал в ГДР и понял, что между хорошими людьми границ нет.

ПОЧЕМУ КУРИТЬ ВРЕДНО, ОСОБЕННО В АВТОМОБИЛЕ

Все было как в старом армейском анекдоте: в далеком 1972 году в нашем зенитно-артиллерийском полку служили три друга: начхим, начфиз и начальник клуба. Троица была интернациональная: начальником химической службы был молодой и перспективный старший лейтенант белорус, начальником физической подготовки – накаченный старший лейтенант украинец, а начальником клуба – уже довольно опытный армянин капитан.

Полк был дислоцирован в одном из самых красивейших городов тогдашней Чехословакии – Дечине.

И вот, как-то мне (командиру взвода связи второго года офицерской службы), еще зеленному лейтенанту, предстояло по служебной надобности поехать в штаб нашей дивизии, который находился в 90 км от полка в городе Млада Боле-слав, знаменитого своими легковыми автомобилями "Шко-да".

В то время существовал приказ Командующего ЦГВ (Центральной группы войск) в соответствии с которым вся техника должна была быть заправлена топливом на 500 км марша, т.е. как раз до пролива Ла-Манш. С этой целью на всех автомобилях крепились дополнительные канистры и

бочки с бензином. Исключение составляли только автомобили транспортной группы, ежедневно осуществлявшие текущее снабжение воинских частей. Но и на этих автомобилях стояли дополнительные емкости, но правда – без топлива. Поэтому и в моей машине стояла 200-литровая бочка из-под бензина, причем в связи с отсутствием последнего, пробки в бочке не было.

Итак, три лихих офицера, предвкушавшие посещение пивной в Млада Болеславе, радостно разместились в КУНГе. Замок дверей КУНГа не работал, но учитывая, что между КУНГом и кабиной водителя работало переговорное устройство, водитель снаружи накинул на дверь обычный навесной замок.

Едем. Вдруг на середине маршрута я и водитель почувствовали что-то наподобие легкого удара по машине, а в зеркала заднего вида стал виден дым, валивший из окон КУНГа. Естественно, мы сразу остановились и с нехорошим предчувствием побежали открывать двери кузова. И первое, что мы увидели – это деформированный (округлившись) КУНГ и выбитые в нем стекла окон. Открыли. Из КУНГа, как при замедленной киносъемке медленно вывалилось три дымящихся «тела». Но, Слава Богу – все были живы. Правда, волос на голове, бровей и ресниц у этих бравых ребят уже не было. Щеки и кисти рук у были обожжены (но не сильно) и с головы до ног они были покрыты черной гарью. Все были "хорошо" оглушены и ничего не соображали. Водитель стал

осматривать кузов и доложил об отсутствии горения. Я же занялся потерпевшими, но к счастью помощь им практически была не нужна.

Через какое-то время, придя в себя, эти командиры рассказали, что все они курящие и им страшно захотелось закурить, но все окна КУНГа были плотно закрыты, поэтому окурки они дружно бросили в стоящую рядом пустую бочку. Бочка была пуста, но видно там скопилось достаточное количество паров бензина, которые и "рванули". При взрыве бочка «подскачила» и у нее сорвало и сильно деформировало верхнюю крышку.

Очухавшихся офицеров я подвез к недалеко расположенному озеру, где они немного привели себя в порядок, но все равно в таком виде «на люди» показываться было нельзя. Так они и просидели в машине всю нашу поездку. А пивка попили из бутылок, купленных в магазине.

Я же на всю свою службу запомнил этот случай и всегда своим подчиненным приводил его, как пример нарушения элементарных требований техники безопасности.

ДА ПОШЛИ ВЫ НА ... СО СВОЕЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТЬЮ

Надо сказать, что связисты в армии частенько бывали «мальчишками для битья». Если в полку все было «хорошо», то их как-то не очень замечали, а если где-то был «облом», то пытались все свалить на плохую связь. И недаром в войсках ходила поговорка: «Кто всегда в пыли и грязи? Это наш начальник связи». Моим непосредственным руководителем был начальник связи майор Зорин.

Но в нашем полку, во многом благодаря усилиям майора, связисты были очень уважаемыми людьми, этакой военной интеллигенцией. Сам Зорин был опытным «служакой», досконально знал все «прелести» и нюансы своей работы, имел множество различных наград и поощрений. «Заполучив» меня в свои руки, он стал усердно и настойчиво «лепить» себе замену так, как по своему возрасту и стажу службы он уже был «на подходе» к «дембелю».

Это был Офицер с «Большой буквы», который никогда и ни на кого не повышал свой голос, не употреблял нецензурных выражений и очень любил беседовать «по душам». В таких тихих, но довольно длительных беседах, он ненавязчиво, иногда в шуточной манере, «мучил» меня вопросами по организации связи в полковом и дивизионном звене, экзаме-

новал на знание техники связи и подчиненного личного состава. Таким образом, майор Зорин был для меня не только старшим начальником, но и отличным учителем у которого я многому научился и был за это очень благодарен.

Но вот, наконец, подошло время этого самого «дембеля» и никакими «посулами» майора Зорина нельзя было уговорить, еще хоть немного послужить Родине. И его стремление быстренько "свалить" из Вооруженных сил было вполне обоснованным так, как славный «вояка» был еще и страстным рыбаком и его уже поджидала должность «начальника охотничьих и рыболовных угодий» Звездного городка, того самого Звездного городка в котором жили, обучались и готовились к полетам наши космонавты.

По случаю увольнения в запас такого заслуженного офицера полк был выстроен на плацу, торжественно вынесли полковое Красное Знамя. Для прощания со Знаменем комполка вызвал Зорина, который в парадной форме со всеми орденами и медалями строевым шагом вышел из строя, подошел к Знамени, стал на одно колено и поцеловал его край.

Потом он начал прощаться с сослуживцами. Майор не был оратором, к тому же он заметно волновался, посему его речь была несколько сбивчива и нескладна, но зато шла «от души».

И вот, в разгар этого выступления по строевому плацу перед строем полка побежала МЫШЬ, самая обыкновенная полевая мышка, покой которой видимо кто-то бесцеремонно

нарушил. Увидев мышку солдаты, стоящие в первых рядах строя, начали хихикать и отпускать шуточки типа: «мышка прибежала попрощаться с майором» и т.д. Перепуганный грызун действительно подбежал к Зорину и спрятался между носков его сапог. Тут бойцы развеселились уже «вовсю».

Но товарищ майор мышку не замечал и смех веселого личного состава полка принял на «свой счет», посчитал это неуважением к себе и видимо сильно обиделся.

Он прервал свое выступление и надолго замолчал, а затем взмахнув правой рукой выдал легендарную фразу: *«Да пошли вы на хр...н со своей боевой готовностью»*, после этого четко выполнил строевой прием «поворот налево», «щелкнул» каблуками и «печатая» шаг пошел на свое место в строю офицеров управления полка.

Причем, при совершении этого строевого приема бедная мышка попала под каблуки блестящих хромовых сапог нашего «дембеля» и «испустила дух», что вызвало еще более бурную реакцию со стороны бойцов.

Командир полка то же не видел этого «незадачливого» мышонка, поэтому он обалдело смотрел на свой развеселившийся полк и не знал, как ему реагировать. Но тут к командиру подошел замполит и что-то нашептал ему «на ухо», видимо рассказал о случившемся, поэтому командир полка не стал заниматься «воспитанием» личного состава», опять подошел к себе майора Зорина и подал команду на вынос Знамени и прохождение подразделений «торжественным мар-

шем».

После прохождения полка погибшего мышонка похоронили штабные писаря, а майор запаса В. Зорин через несколько дней убыл в свой Звездный городок.

А по полку еще долгое время «гуляло» адресованное молодым воинам крылатое напутствие майора Зорина: «Да пошли вы на хр...н со своей боевой готовностью».

БАЛАДА О ВОНЮЧЕМ СЫРЕ

Во время службы, некоторое время назад, судьба заставила меня продегустировать один из видов сыров, распространенных и почитаемых в «цивилизованной» Европе. Причем, эта дегустация произошла вполне непреднамеренно по капризу его «Величества Случая». А запомнилась она мне потому, что этот сыр имел ужасно отвратительный запах и, *pardon*, был схож с сильным запахом давно не стиранных мужских носков или портянок.

Впрочем, все по порядку.

В то время я тащил «государеву» службу в северной Чехии и выполнял очередное служебное задание. Едем мы как-то, я и мой водитель, по горному серпантину южной Саксонии на легендарном новеньком УАЗике. И естественно, что наши вполне здоровые организмы потребовали остановки с целью чего ни будь перекусить. Однако местной валюты у нас было совсем не густо, а аппетиты совсем наоборот – были очень даже ничего.

И вот, наконец, мы остановились у одного сельского магазинчика. Зайдя в него, я в первую очередь пробежался глазами по ценникам, дабы выбрать чего ни будь по-бюджетней.

Сначала мой взор остановился на вполне приемлемых по цене свеженьких французских булочках (тех самых хруст которых «сводил с ума» многих российских гурманов), а затем

он уперся в сыр, кусочки которого, были завернуты в фольгу. Этот сыр тоже был нам «по карману», однако я не обратил внимание на одну особенность: заманчивый с виду сыр лежал под стеклянным колпаком.

Отovarившись несколькими булочками и кусочками этого сыра, с добавленными к ним парой бутылок низкоалкогольного пива, я вернулся к машине. Съехав на площадку для отдыха, мы принялись за трапезу.

И тут нас ждала неприятная неожиданность: едва сняв с сыра обертку, по салону машины разнеслась сильнейшая, описанная выше вонь и у меня возникло подозрение об анти-российском «террористическом акте», устроенном продавцом. Естественно, что мне захотелось вернуться в магазин и бросить продавцу в лицо его протухший товар. Однако водитель отсоветовал мне это делать во избежание возможных «политических неприятностей». Поэтому, мы ограничились только булочками с пивом, а сыр просто выкинули.

Правда один его кусочек я завернул в обертку и положил в свою сумку, дабы позже предъявить своей жене для домашней «экспертизы».

Вернувшись домой, я рассказал о случившемся своей супруге и в качестве улики предъявил ей привезенный кусок сыра.

Скажу здесь, что моя вторая половина имела чешское образование, в совершенстве владела чешским языком и неплохо разбиралась в особенностях местной кулинарии.

Супруга взяла сыр, понюхала его, отрезала от него большую часть и к моему большому удивлению с видимым удовольствием слопала на моих глазах. А когда узнала, что почти весь купленный сыр мы выкинули, покрутила пальцем около виска.

После чего она объяснила мне, что этот сыр относится к семейству так называемых «пивных сыров», которые очень почитаемы среди чехов, да что там чехов – они популярны почти во всех странах Европы.

Мне было предложено еще раз попробовать остаток сыра, что я и сделал. После этого случая я стал с интересом относиться к информации об этом виде сыров, из которой почерпнул для себя очень много интересного.

Оказывается, пиво и вонючие сыры просто созданы друг для друга, а посему «среднестатистический» чех съедает 12,3 кг сыров в год (а россиянин – всего 5,7 кг).

Особенно чехи любят солёный недозревший “пивной сыр” (Pivní sýr) из коровьего молока. И не удивительно, что одним из главных чешских деликатесов относятся очень вонючие оломоуцкие сырки (т.н. – творожки) , которые продаются в любом чешском магазине. Правда их не следует есть сразу, а надо подержать часика два в тепле, тогда они немножко раскиснут и вкус станет особенно нежным.

Для себя я сделал открытие, что ассортимент вонючих пивных сыров очень даже разнообразен. Оказываются они бывают: мягкие, лёгкие, твердые, выдержанные, пикантные,

творожные, рассольные и пр. Они так же разнообразны по технологии изготовления, по цене, и по своей «вонючести».

Так например, сыром, обладающим невероятно отвратительным ароматом, является французский *Энуас*, официальное название – *Puant Macere* (вонючий маринад). Его аромат неприятен до такой степени, что его даже запрещают перевозить в транспорте общественного пользования. И все же по вонючести ученые мужи отдали пальму первенства сыру, именуемому *Вьё Булонь*.

К сожалению, пока у нас в России нет такого изобилия пивных вонючих сыров, тем более в провинциальных городах. Но никто не запрещает их изготавливать по довольно простым технологиям и рецептам во множестве размещенных в Интернете.

Например, многие чехи (особенно из тех, кто занимается сельским хозяйством) делают свой “домашний пивной сыр”, который готовится довольно просто: смешивают творог со специями, солью и пивом, потом дают настояться одну неделю. Получается творожная масса, которую едят на бутербродах или вприкуску с пивом. Но если дать такому сыру вызреть и сушить его потом в течение полугода, то получится твердый сыр с отличным вкусом, правда с отвратительно пугающим запахом.

Сейчас, если мне предоставляется возможность приобрести какой либо пивной сыр я обязательно это делаю и советую так поступать и другим любителям сырной продукции.

Считаю, что такой сыр является лучшим сопровождением даже нашим отечественным сортам пива.

Однако скажу честно: все сыры хоть и содержат множество полезных микроэлементов и витаминов, но при регулярном употреблении в большом количестве требуют осторожности с точки зрения диетологии.

О САМОМ ХИРУРГИСТОМ ХИРУРГЕ И ЛЕЧЕБНОМ БАРАНЕ

Однажды, я заступил в наряд дежурным по автопарку.

День был праздничный, выхода машин из парка не предвиделось и всё располагало к спокойной и безмятежной службе. Но вот с моим организмом начало твориться, что-то неладное. Появился какой-то дискомфорт, потом легкое внутреннее «жжение». Сначала я не придавал этому большого значения, думал: «само собой пройдет», но «жжение» переросло в боль, которая стала усиливаться и распространяться по всей брюшной полости. Становилось все хуже и хуже.

Наш полковой врач был в отпуске и обязанности начальника медицинской службы исполнял фельдшер-прапорщик, которому я позвонил домой и объяснил ситуацию.

Все офицеры и прапорщики жили «при части», поэтому фельдшер пришел ко мне в «дежурку» довольно быстро. Ощупав живот и задав несколько вопросов, он успокоил меня словами о том, что это вероятно приступ офицерской болезни – «гастрит», который скоро пройдет. Затем он дал мне какие-то таблетки и ушел. Но таблетки ни как не хотели мне «помогать», стало совсем плохо, пришлось снять с себя всю амуницию и лечь на топчан.

Солдатик (дневальный по парку), сильно испугавшись за

меня, повторно позвонил фельдшеру. Тот прибежал, убедился, что все очень «хреново», доложил о случившемся командиру полка, с его разрешения вызвал водителя санитарной машины и выгнал ее из парка.

Решили взять меня в дивизионный медсанбат, который находился в 90 км от нашей части. Ехали мы около 2-х часов и приехали в медсанбат под вечер. Я «полуживой» сел на скамейку у входа в приемное отделение, а наш фельдшер пошел искать дежурного врача.

Тем временем ко мне подошел знаменитый на всю дивизию медсанбатовский баран «Яшка». Это был уже старый, но особенный баран.

Вид у него, конечно был невзрачно-грязноватый и один рог был обломан, но солдатская молва наделила барана некоторыми экстрасенсорными способностями. Говорили о том, что если этот чудо-баран подходил к больному или раненому, то своей «бараньей аурой» он снимал или хотя бы уменьшал болевые ощущения. Еще баран был известен тем, что бойцы, находящиеся на излечении, научили его курить. Баран реально курил, выпуская клубы дыма через ноздри, а если его долго не угощали «куревом», то он ходил по территории медсанбата и съедал все валяющиеся сигаретные окурки.

Баран потерялся около меня с явным намерением оказать посильную помощь, но тут вернулся фельдшер, как-то с сочувствием и сожалением посмотрел на меня и предложил

пройти внутрь помещения.

В комнате за столом сидели здорового вида дежурный врач-хирург и две миниатюрные юные медсестры, которые спешно убрали со стола стаканы, бутылки и остатки закуски. Как я узнал позднее, врач был выпускником Ленинградской военной медицинской академии в звании старшего лейтенанта, а медсестры – недавними выпускницами Харьковского медицинского училища.

Врач, сильно пошатываясь, подошел ко мне и что-то невнятно «промычал». Я ничего не понял, поэтому наиболее трезвая сестричка перевела слова своего начальника, типа: «покажи язык». Я выполнил команду. Мельком взглянув на мой язык, врач «пробурчал» следующее: «Немедля... бя... на стол», что сестричка перевела мне как: «У вас аппендицит, надо срочно оперировать».

Я весь «похолодел» и первой моей мыслью было: «Зарежут, непременно зарежут» и робко попросил отсрочить операцию до следующего дня. Но через «переводчицу» врач предупредил о том, что в самое ближайшее время аппендикс может «лопнуть» и тогда «всё...».

Мне подумалось, что «смерть на операционном столе все же более почетная, чем медленное «угасание» в палате для «загнивающих» и дал свое согласие на операцию.

Одна из медсестер быстро «содрала» с меня всю одежду и поволокла в душ, где заставила меня тщательно помыться. Потом меня уложили на каталку и «покатили» в операцион-

ную. Здесь меня «огорошили» новой новостью – оказывается по случаю праздника в этот день не было анестезиолога, а посему операцию будут проводить под местным наркозом, а это не очень «приятно». Но, подготовившись к самому худшему, мне было уже всё равно.

Сестрички положили меня на операционный стол, подготовили к операции и сделали укол морфия. После этого в операционную вошел дежурный врач. Но, как только он взял в руки скальпель произошла чудесная метаморфоза: шатающийся и еле двигающий языком молодой старлей вдруг превратился в уверенного человека, властно отдающего команды и распоряжения, обладающего точными и выверенными движениями Хирурга.

Во время операции я был в полном сознании, боли не чувствовал, но было неприятное тошнотворное чувство, словно из тебя вытаскивают все внутренности.

Вырезав «зловредный отросток», хирург показал его мне с комментариями о том, что операция была весьма своевременна, т.к. еще немного и ... Операция длилась 40 минут.

Через несколько дней с меня «сняли швы» и отправили в свою часть. Никаких осложнений или каких-то других негативных последствий операции у меня никогда не возникало.

Конечно, можно было сделать упрек по поводу того, что послеоперационный шрам был несколько великоват, но я по этому поводу никогда не «заморачивался» и по нынешний день бесконечно благодарен делавшему мне операцию хи-

рургу. Через какое-то время я приехал в медсанбат с «благодарностью», но своего спасителя, увы, не застал.

Получив этот собственный опыт, я твердо уверился, что наши советские военные хирурги были самыми хирургистами в Мире (конечно в хорошем смысле слова), а бараны, определенно, способствуют исцелению болящих.

АРМЕЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Как-то в лейтенантские годы мне доверили исполнять обязанности командира батареи управления зенитно-ракетного полка. Как раз в это время комбат приобретал южный загар на пляжах солнечного Крыма, отдыхая вместе с семьей.

И вот, в определенный день, в соответствии с устоявшимся в полку порядком я получил ежемесячное денежное довольствие для солдат и сержантов срочной службы своей батареи.

Обычно выдачу этих денег бойцам комбат всегда поручал нашему опытному прапорщику-старшине батареи, но в этот раз, старшина находился в госпитале, поэтому это «муторное» дело пришлось исполнять мне самому.

Надо сказать, что в полку наша по сути «штабная» батарея была по численности самая большая и насчитывала 71 штыков (65 бойцов и 6 офицеров и прапорщиков). Батарея круглосуточно несла посменное боевое дежурство на командном пункте и узле связи полка. Кроме этого, ни кто не отменял и несение службы во внутреннем наряде по батарее и по штабу полка, поэтому собрать всю батарею одновременно и в одном месте для выдачи денег не представлялось возможным.

Я сразу же выдал денежное довольствие личному составу свободному от дежурств и нарядов (под роспись в раздаточной ведомости), а оставшуюся (большую) часть – положил в

сейф (вернее в несгораемый металлический шкаф) командира батареи с намерением выдать деньги на следующий день.

Сейф, я закрыл на ключ и опечатал своей мастичной печатью, а вечером, уходя со службы, закрыл на ключ и кабинет комбата. Эти ключи, уходя в отпуск, мне предусмотрительно оставил командир батареи.

На следующий день, освободившись от срочных дел, с целью продолжения выдачи денежного довольствия я деловито уселся в кресло комбата, вскрыл печать, открыл сейф и застыл от изумления – в сейфе денег не было, не было и раздаточной ведомости.

Конечно, я сначала несколько растерялся и сильно расстроился, ведь сумма пропавших денежных средств была соизмерима с двумя моими месячными зарплатами.

Но «пораскинув» мозгами решил с докладом о случившемся не спешить и сначала во всём разобраться самому. К тому же, в свои годы я уже успел основательно начитаться произведений Артура Конан Дойла и Агаты Кристи, поэтому самонадеянно посчитал, что расследование такого происшествия вполне мне «по плечу».

Как заправский сыщик, я прежде всего осмотрел сейф: следов взлома не наблюдалось, его явно открывали ключом. Потом ещё раз более внимательно изучил слепок печати и заметил, что верхняя часть оттиска, сделанного на пластилине, была аккуратно срезана острым инструментом (вероятно – бритвой), а потом аккуратно возвращена на место.

Затем настала очередь кабинета, который находился в конце спального помещения нашей одноэтажной, сборно-щитовой (т.е. деревянной) казармы и хорошо просматривался дневальным, стоящим на «тумбочке».

Его я тоже тщательно осмотрел и при этом обратил внимание, что створки оконных рам были закрыты, но на шпингалеты не «защелкнуты», т.е. при желании окно можно было открыть снаружи. Выйдя из казармы, я стал рассматривать почву под окном кабинета. Как раз под этим окном началась длинная (вдоль всей казармы) клумба с шикарными цветами, которая являлась гордостью нашего старшины. Был август, ночью прошёл небольшой тёплый дождик и под окном участок сырой земли с цветами были изрядно вытоптан и каких-то конкретных следов разглядеть было невозможно. Не было видимых следов и на подоконнике, но тем не менее у меня возникло предположение о том, что злоумышленник в кабинет комбата с большой вероятностью мог проникнуть именно через окно.

Между тем, слух о пропаже денег быстро разошелся по всей батарее и бойцы стали «доставать» меня соответствующими вопросами. Я попытался проанализировать ситуацию и наметить план своих дальнейших действий.

Стало совершенно ясно, что исходить надо из того, что о месте нахождения денег знали только бойцы нашей батареи (да и то не все). Естественно, в первую очередь я опросил наряд по батарее (дежурного и трёх дневальных). Но перед

этим я сходил на «техническую зону» и достал из комплекта автомобильной радиостанции Р-125 диктофон П-180 и для пущей важности все дальнейшие опросы проводил под «запись».

Все четверо твердо уверяли, что всю ночь они безотлучно находились в казарме и ни чего подозрительного не видели и не слышали.

Я стал разбираться с дежурными сменами: начертил на бумаге схему, кто – где находился в ночное время и стал опрашивать бойцов, которые ночью выходили из казармы. Потом прошёлся по всем точкам боевого дежурства и проверил журналы приема-сдачи дежурств.

И тут «вырисовалась» одна нестыковка: дневальный Зиганшин во время опроса упомянул, что ночью (во время «пересменки») ефрейтор Кузьмин с несколькими другими бойцами выходил из казармы якобы для подмены на узле связи радиотелеграфиста дежурившего в сети оповещения. Однако, в соответствующем журнале приема-сдачи дежурства записи о его «заступлении» на дежурство не было и радиотелеграфист (которого якобы должен подменить Кузьмин) подтвердил, что ночью его никто не менял, да и не должен был менять.

Ефрейтор Кузьмин был старослужащим солдатом, собирався уже на дембель и как бы претендовал на неформальное лидерство в солдатской среде и наш старшина сделал его внештатным «каптёрщиком». Поэтому, и в этот раз –

старшина перед тем, как лечь в госпиталь, передал ключи от «старшинской кладовой» (каптёрки) этому самому Кузьмину.

С целью уточнения этой «нестыковки» я зашёл в каптёрку. Когда я стал задавать Кузьмину соответствующие вопросы, то он заметно занервничал и мне это очень не понравилось. Он начал «мямлить» о том, что запутался в сменах: мол сначала подумал, о том, что ему надо идти на дежурство, а затем вспомнил, что уже и не надо и сразу вернулся в казарму, но дневальный у «тумбочки» и дежурный по батарее «кимарили» и поэтому его приход не заметили.

Всё это было крайне неубедительно и у меня в отношении Кузьмина возникли очень серьёзные подозрения. Я стал размышлять о том, как бы его «припереть к стенке» и, вспомнив великого Шерлока Холмса, решил действовать методом давления «на психику».

Прежде всего, я распорядился, чтобы огородили участок земли под окном кабинета комбата и распустил слух о том, что вызван кинолог с собакой для отработки следов, оставленных на клумбе. Потом, по одному стал вызывать к себе бойцов и снимать с них отпечатки пальцев, объясняя, что это делается для сравнения их с отпечатками, оставленными на сейфе.

Конечно, это был полный блеф. Опыта у меня в этом деле никакого не было, да не было и отпечатков снятых с сейфа, я физически не умел этого делать.

До всего личного состава было доведено, что если злоумышленник добровольно сознается в содеянном то дело урегулируется в дисциплинарном порядке, в противном случае – будет заведено уголовное дело. И личный состав батареи отнесся к моим действиям с пониманием.

И вот, наконец, осталось всего несколько бойцов, с которых я ещё не снял отпечатки пальцев, в числе которых был и Кузьмин. Но главным образом он-то мне и был нужен и я пошёл в «каптёрку».

Там ефрейтор Кузьмин деловито что-то двигал и развешивал. На мой вопрос: «почему он не прибыл ко мне», ефрейтор ответил, что уже собирался идти, а до этого выполнял распоряжение старшины по «наведению порядка».

Я осмотрелся, куда бы присесть и собрался снять какой-то посылочный ящик с ближайшего табурета. Ящик оказался довольно увесистым и в нем «забрякало» какое-то «железо». Заглянув в него, я увидел, что он наполовину заполнен разными дверными и прочими ключами.

Мы все знали, что у нашего старшины был «пунктик»: он собирал все ключи, которые ему попадались и этим часто многим помогал, когда надо было где-то что-то открыть.

Особенно не задумываясь, я стал перебирать эти ключи и увидел, что здесь есть и несколько ключей похожих на ключи от нашего сейфа. Я выбрал все эти ключи и пошёл пробовать открыть ими сейф, но ни один из них не подошёл. Тем не менее, мои подозрения в отношении Кузьмина только укреп-

пились. На всякий случай в качестве свидетелей я пригласил в кабинет прапорщика-начальника РЛС и одного из сержантов, попавшихся мне на глаза, а потом – и Кузьмина.

Когда Кузьмин зашёл ко мне в кабинет я включил диктофон и попросил его снять сапоги, объяснив, что они нужны для собаки-ищейки, которую скоро привезут кинологи, а потом снял с Кузьмина и отпечатки пальцев.

Затем, с «деловым» видом с помощью лупы я стал рассматривать эти отпечатки (вроде, как сличал их с отпечатками, обнаруженными на сейфе) и наконец, торжественно объявил присутствующим, что отпечатки Кузьмина идентичны отпечаткам, оставленным на сейфе. И пока Кузьмин не опомнился, я «добил» его сообщением, что принято решение возбудить по этому вопросу уголовное дело. А так, как доказательств его воровства «выше крыши» ему теперь грозит, как минимум пару лет дисциплинарного батальона.

И тут Кузьмин «сломался». Его лицо напряглось и стало красным, как свекла, из глаз покатились слёзы. Кузьмин заговорил, причем так «затараторил», что мне приходилось его иногда останавливать, дабы задать вопросы по существу.

Со слов этого криминального ефрейтора дело обстояло так.

Кузьмин для оформления дембельского фотоальбома попросил фотоаппарат у своего земляка, который был киномехаником в полковом солдатском клубе. Фотоаппарат был «казенный» и довольно дорогой (с телеобъективом). И по

своей неосторожности Кузьмин этот «фотик» так разбил, что он теперь не подлежит восстановлению. Для того что быкупить такой же аппарат он и пошёл на это воровство.

Готовиться к своей «операции» Кузьмин начал заранее. Днём кабинет комбата обычно не запирается и однажды, будучи дежурным по батарее под предлогом уборки Кузьмин зашёл в кабинет и не спеша подобрал ключ к сейфу из «коллекции» нашего старшины. В канун «солдатской зарплаты», пользуясь занятостью дневальных на уборке казармы, он незаметно на пару минут опять заскочил в кабинет и открыл щеколды оконных рам. Ночью под предлогом убытия на узел связи для несения боевого дежурства он вышел из казармы и (как я и предполагал) через окно залез в кабинет командира батареи, затем срезал оттиск печати, открыл сейф заготовленным ключом, забрал все находящиеся там деньги и раздаточную ведомость. Чтобы не сразу обнаружили факт воровства сейф он закрыл и опять опечатал, а раздаточную ведомость похитил якобы для того, чтобы знать: сколько и кому из бойцов надо будет вернуть в будущем. За тем опять же через окно вылез наружу, протёр подоконник, специально под окном затоптал все следы, спрятал свой улов и ключ от сейфа на улице в укромном месте и вернулся в казарму. Дневальный сидя у своей «тумбочки» мирно спал и приход Кузьмина не видел.

Хотя Кузьмин все деньги «до копейки» и вернул, встал вопрос: что с ним делать?

С одной стороны «выносить мусор из избы» и докладывать о случившемся «наверх» было «не с руки», но и оставлять Кузьмина безнаказанным было нельзя.

Посоветовавшись с батарейными офицерами и прапорщиками, решили вынести этот вопрос на общее собрание батареи и пусть бойцы сами решают, что с ним делать. Конечно, в связи с несением дежурства весь личный состав на собрание собрать не удалось, но кворум всё же был обеспечен.

На собрании в целом личный состав принял правильное решение: Кузьмина изгнали из «каптёрщиков» и до самого дембеля поставили в «постоянный» наряд по штабу, который у бойцов считался довольно тяжёлым. А самое главное – он потерял весь свой авторитет, да и товарищей тоже.

Так, мной был приобретён первый опыт расследования солдатских «преступлений».

О ГРУЗИНСКИХ ПРИЗЫВНИКАХ И КИЛЬКЕ В ТОМАТЕ

На первых порах моей офицерской службы включили меня как-то в очень интересную команду, которая называлась Администрацией воинского эшелона. И должна была наша команда привезти молодое пополнение в Центральную группу войск (Чехословакия) ни много ни мало – из самой Грузии. Задача стояла трудная, т.к. призывники этой древней национальности считались весьма «проблемными».

Наша Администрация состояла из пяти офицеров и пяти сержантов из нашей части. Без особых приключений, поездом с пересадками мы добрались до Тбилиси, а дальше надо было проехать автобусом до грузинского городка Ахалцихи. Автобус на Ахалцихи был набит битком, пассажиры стояли даже в проходах. И тем не менее, в этой толчее один из молодых грузин громко и демонстративно на русском языке начал задавать вопросы о том, что здесь делают русские. Причем видно было, что он пользуется поддержкой, ехавшей здесь, подвыпившей группы грузинской молодежи.

Мы своих сержантов, которые все были кавказцы, на пару дней отпустили по домам и в автобусе нас было только пятеро офицеров, причем у каждого из нас был табельный пистолет. Однако ссорится с местным населением мы не со-

бирались и на провокацию не реагировали.

Но молодежь уже начала переходить к угрозам и оскорблениям. Назревающий конфликт разрешили несколько пожилых грузинских женщин, которые яростно набросились на своих соплеменников и заставили их заткнуться.

Приехали. Ахалцихи – это небольшой город-крепость, районный центр на самой границе с Турцией с населением около 20000 человек. Граница здесь проходит по реке Поцховис-Цкали (приток Куры) и сопредельная сторона очень хорошо просматривалась с высот нашей (советской) стороны. Был ноябрь, но в Закавказье было еще довольно тепло и по пыльным улицам городка свободно и уныло бродили коровы и овцы.

Разместились мы в одной из воинских частей гарнизона и несколько дней работали в районном военкомате, занимаясь отбором призывников, к которым в связи с предстоящей службой за границей, предъявлялись несколько повышенные требования. После окончания этой работы в ожидании подачи пассажирских вагонов для формирования эшелона, мы несколько дней «болтались» по городу.

И как часто бывает в таких случаях, неизвестно откуда возник мужичок средних лет «местного разлива», который начал усиленно приглашать нас в многочисленные кабачки, где гостеприимные грузины угощали нас шашлыком, зеленью и сухим красным вином.

Мы вели себя осторожно, т.к., ему явно от нас что-то было

нужно. Позже мужичок попросил пристроить на «хлебную» должность его родственника, которого призывают в Армию и попросил для себя устроить «вызов» для приезда в ЧССР, что сделать было невозможно.

Наконец эшелон был сформирован, призывники переодеты в военную форму и размещены по местам. Администрация равномерно распределилась по вагонам и мы двинулся в путь. Наши вагоны цепляли к попутным товарнякам, которые мы порой долго ждали, поэтому, обратная дорога заняла у нас 11 суток.

Такие эшелоны на вокзалах не останавливались. Остановки были только на товарных станциях, где отсутствовали торговые точки, причем из вагонов выпускать призывников не разрешалось и на то были свои основания. Вели себя грузинские ребята довольно развязано, часто дерзили и пререкались, увидев в окна женщин, они неистово свистели и громко орали.

Надо сказать, что мы сделали большую ошибку, когда раздали новобранцам весь сухой паек, рассчитанный на весь путь следования. Попробовав невкусные холодные консервы (а их перед употреблением надо разогревать) и пресные галеты, многие призывники свои пайки просто выкинули. Ну, до Ростова-на-Дону дотянули на своем «домашнем», но потом... потом есть стало нечего.

Так, что в Ростове мы вместе с начальником эшелона пошли на поклон к военному железнодорожному комендан-

ту и объяснили ему ситуацию. Комендант сначала уперся, заявил, что мы все положенное уже получили. Но потом вспомнил, что у него где-то на складе валяются несколько ящиков консервов «Килька в томате» и несколько мешков ржаных сухарей, которые ни кто не берет. Их он нам и отдал. После Ростова призывники (и мы вместе с ними) целую неделю питались только килькой с сухарями. Потом я несколько лет не мог смотреть на эту «красную рыбу».

Львов встретил нас снегом наполовину с дождем. Здесь предстояла пересадка в вагоны с европейской железнодорожной колеёй. Наконец мы объявили новобранцам, что их везут в Чехословакию. От холода они подняли воротники шинелей, опустили клапана зимних шапок и стали больше похожи на военнопленных. У лихих джигитов национальные особенности куда-то улетучились, они стали вполне управляемыми. Боясь отстать и потеряться, они буквально по пятам ходили за нашей Администрацией, как цыплята за несушками.

На территории ЧССР на ж.д. станциях мы должны были высаживать группы новобранцев, передавая их прибывшим представителям воинских частей (т.н. покупателям). Поезд там останавливался всего на несколько минут, строгиться и проверяться по спискам было некогда, поэтому с целью быстрой выгрузки мы заранее объявили молодым солдатам названия станций, на которых им надо выходить, и номера воинских частей, в которых предстояло служить, а поку-

пателям передавали пакет с документами на сошедших призывников.

Но видимо словацкие и чешские названия городов не укладывались в их головах, поэтому будущие бойцы через каждые 5 минут подбегали и переспрашивали, где им выходить.

В результате, все равно несколько человек все перепутали и вышли не там где надо. И потом была морока с пересылкой документов. Последнюю группу мы привезли в свою часть. Предварительно я уже отобрал для нас наиболее подходящих ребят. Наш начальник штаба быстро распределил их по подразделениям. И надо сказать, что в дальнейшем почти все они служили не хуже других, большинство стали хорошими солдатами и сержантами. Главное – в многонациональных подразделениях не собирать много бойцов одной национальности и правильно их кормить.

НЕ МЕНЯЙТЕ ВОДИТЕЛЯ ВО ВРЕМЯ ДВИЖЕНИЯ

Вот «ташу» я себе спокойненько лейтенантскую службу в должности командира взвода связи зенитно-ракетного полка в Чехословакии и вот однажды, мокрым осенним вечером, поднимают наш полк «по тревоге». Полк был небольшой, но отлично слажен и нес боевое дежурство по охране воздушных границ стран «Варшавского договора». Такие «тревоги» были у нас делом частым, привычным и всё здесь у нас было отлажено и отработано.

Мы быстренько загрузили необходимое «барахлишко», сформировали колонну командного пункта полка, построили личный состав, проинструктировали его, зачитали приказ на марш и двинулись в запасной район. И поползла наша колонна машин по узкой, горной, мокрой и ночной дороге Чешской Швейцарии со скоростью менее 40 км\час.

Я ехал на новеньком бронетранспортере (БТР -60ПУ с радиостанциями Р-118 и Р-123), который был вторым в колонне – сразу после УАЗика начальника штаба полка, который и вел колонну. В мою же обязанность входило: поддержание связи на марше, как по колонне, так и с колонами полковых зенитных батарей, а так же со штабом нашей дивизии.

БТР вел довольно сообразительный и исполнительный

солдатик Никонов, который, к тому же был и отличным водителем. Единственными недостатками Никонова были его маленький рост и слабенькая физическая подготовка. Когда он садился за руль, то ему под задницу подкладывали две ватные подушки, что бы в маленькие БТРовские окна хорошо была видна дорога.

Я сидел сверху «на броне», в люке, поставив ноги на плечи Никонову, т.к. в условиях ограниченной видимости у нас было правило: дублировать необходимость совершения поворота нажатием ноги на нужное плечо водителя: при правом повороте – нажимаю ногой на правое плечо, при левом – соответственно на левое. Если надо было остановиться, то легонько пинаю водителя по голове, благо мы оба были в танковых шлемофонах.

Надо сказать, что длительная, медленная и монотонная езда в колоннах очень пагубно действует на водителей – они начинают засыпать. Поэтому командиры вынуждены почти ежечасно останавливать колонны и выгонять водителей «на свежий воздух». К тому же, водителям набивали полные карманы сухарей, которые они должны были непрерывно грызть во время движения и если старший машины вдруг переставал слышать хруст сухарей, то он имел право принять к водителю «освежающие» меры.

Так, вот – медленно «ползем».

Перед рассветом чувствую: водила стал плохо реагировать на мои команды, я понял, что он засыпает. Нажимаю пе-

реключатель переговорного устройство и спрашиваю у Никонова: «В чем дело?». Тот взмолился: «Не могу, товарищ лейтенант, засыпаю, ничего поделывать с собой не могу».

У меня же состояние было «свеженькое» (т.к. сижу-то я на открытом воздухе), а посему принимаю решение сесть за руль вместо Никонова, причем решил это сделать на ходу, т.к. скорость была очень маленькая и останавливать колонну в этом месте было нельзя. Я сказал водителю, чтобы он сдвинулся на место пассажира, а сам стал опускаться на сидение водителя, одновременно пытаюсь перехватить у Никонова руль. Но тут, я за что-то зацепился, а водитель уже бросил руль и мы «понеслись». А «понеслись» мы вниз с крутого косогора (почти обрыва) к протекающей внизу, небольшой речушки.

Практически не управляемая машина пролетела по воздуху метров пять, «проскакала» по земле еще метров 20 и перед самой речкой завалилась на бок.

Лежим. Ощупываю себя, одновременно спрашивая Никонова: «Ты как?». Тот долго молчит и я уже за него испугался, но потом он подал голос: «Кажется с рукой что-то и башкой здорово ударился». У меня же сильно болела и стала напухать кисть правой руки и появилась боль в области ребер (в этом месте я ударился об руль). Стали выбираться, тут уже набежало массу народу, который стал нам оказывать помощь. Колонна, естественно, остановилась.

Подошел начальник штаба, увидел нас живыми, осмотрел

БТР, распорядился начальнику медицинской службы и начальнику автомобильной службы полка оказать нам помощь, а сам повел колонну дальше выполнять поставленную задачу.

Медик сказал, что вероятно у Никонова поломана рука и у него сотрясение головы, а мне надо сделать рентген ребер и кисти руки. Я чувствовал свою вину и от госпитализации отказался. Никонова же, начмед отправил на санитарной машине в наш военный госпиталь в городе Дечин. Диагноз нашего полкового врача в отношении Никонова там полностью подтвердили.

Что касается бронетранспортера, то начальнику автомобильной службы удалось спустить вниз ремонтную летучку и с ее помощью поставить БТР на колеса. На нем были поломаны только две антенны. Я сел за руль и выехал на нем на дорогу, а затем довел машину до запасного района.

Позже я все же сделал рентген: с ребрами было все нормально (просто ушиб) а на правой кисти руки все же был сломан один палец. После учений я получил большую «выволочку» от командира полка, но о том, что мы пересаживались Никонов ни кому не сказал. Таким образом, он показал себя Большим Джентльменом, за что я его сильно зауважал.

Из всего выше изложенного я на всю жизнь сделал вывод:
РЕБЯТА, НЕ МЕНЯЙТЕ ВОДИТЕЛЯ ВО ВРЕМЯ ДВИЖЕНИЯ!

ОПЕРАЦИЯ «КОНОТОП»

В шикарном старинном замке уютного чешского городка, с комфортом разместился советский зенитно-артиллерийский полк. Со своими 57мм пушками, он нес боевое дежурство и занимался прочей своей плановой боевой деятельностью-попивал пиво и находился в хороших отношениях с местным населением,

Но жизнь шла своим чередом, ПВО развивалось и настало время этому весьма боевому полку перевооружиться. Поменять технику на новейший комплекс «Куб» (по классификации НАТО – «Выгодный») и стать современным зенитно-ракетным полком.

При этом надо было укомплектоваться по новым штатам, переучиться на новую технику, получить её, провести стрельбы и самое «печальное» – сменить место дислокации.

И вот, согласно «задумок» Генерального Штаба, в августе 1972 года покинув в Чехии это «обжитое и насиженное» место боевые подразделения полка убыли в учебный центр ПВО, который находился в городе Кунгур Пермской области.

Здесь планировалось в течение 3-х месяцев пройти переучивание, а затем убыть на полигон для получения техники и проведения стрельб. А оставшиеся в Чехословакии подразделения полка за это время должны были в глубоком лесу от-

строить новый военный городок, перевести туда всю оставшуюся технику, имущество и семьи военнослужащих, а затем оборудовать позиции для несения боевого дежурства.

Но в это время шла война. Не волнуйтесь, воевали не мы, воевали извечные враги: арабы и израильтяне. Советский Союз подключился к войне чуточку позже, «по привычке» встал на сторону арабов и с целью повышения эффективности их ПВО стал поставлять в Египет и в Сирию зенитно-ракетные комплексы «Квадрат» (экспортный вариант нашего комплекса «Куб»).

Вскоре в Египет были направлены и советские зенитно-ракетные части вооруженные этим комплексом. А так, как в 1972-1973 годах боевые действия резко активизировались, то и наши заводы стали работать на пределе своих производственных возможностей и «гнать» технику в основном на экспорт.

В этих условиях нашему Главнокомандованию было не до полка, находившегося в Кунгурском учебном центре так, как техники пока для него не было, а что бы полку не было скучно ему повторно устроили учебный процесс.

Но политическая обстановка «дама капризная» и по настоянию президента Египта Анвара Садата вскоре одна из советских бригад «Квадрат» была выведена из Египта и тогда чья-то «умная голова» в Генштабе вспомнила о забытом в Кунгуре полке из Чехословакии и предложила передать ему эту потрепанную в Асуане технику. Местом передачи

определили – полигон Яворов (подо Львовом).

Видимо эта мысль в нашем Генштабе «зародилась» весьма внезапно потому, что и обогащенный новыми знаниями полк тоже внезапно подняли по тревоге, большую часть его личного состава «запахали» в обычный пассажирский поезд и отправили в сторону Львова. Причем бойцов срочной службы разместили в общих вагонах, а офицеров и прапорщиков распределили по всему поезду на свободные плацкартные и купейные места.

На радостях, что «до чертиков» надоевшая всем учеба наконец-то завершилась, офицеры и прапорщики полка смешались с гражданскими пассажирами образуя множество компаний, которые стали чисто «по-русски» отмечать столь знаменательное событие.

Но советский Генштаб не дремал. Нашлась другая не менее «умная голова», которая решила, что негоже славный полк, которому предстояло нести боевое дежурство в Центральной группе войск, вооружать «покуроченной» на Ближнем Востоке техникой, да еще в экспортном исполнении.

Поэтому в 2 часа ночи поступила новая директива: «Полку выгрузится на станции Конотоп Сумской области и вернуться обратно в Кунгур». Командиру полка такой «мудрый» приказ довели минут за 20 до прибытия поезда на эту легендарную станцию. По всему поезду забегали посыльные, разыскивая по всем вагонам офицеров и прапорщиков. Те, кого удалось найти торопливо стали одеваться и собирать

свою амуницию.

В вагонах поднялся большой переполох, весь гражданский люд проснулся и не понимал происходящего (впрочем, большинство военных – то же).

Прибыли на станцию Конотоп. Видимо предупрежденный заранее местный военный железнодорожный комендант организовал оцепление вокзала силами ближайшей воинской части, что еще больше придало колорита всему происходящему.

С солдатами и сержантами срочной службы было проще, они схватили свои нехитрые пожитки и вполне благополучно «вывалились» из вагонов. Но с офицерами и прапорщиками дело обстояло «похуже», да еще требовалось выгрузить кое-какое полковое имущество и документацию, поэтому поезд, у которого на этой станции по расписанию предполагалась 5-минутная остановка, был задержан на целый час.

Ошарашенный и полуодетый личный состав полка со всеми своими «потрохами» построился на перроне вокзала. Это было «потрясающее» зрелище, такого «строевого смотра» еще никогда не было. Начали проверку имущества (здесь было сравнительно все нормально), сделали перекличку и выявили отсутствующих. Оказалось, что с десятков офицеров и прапорщиков все же проехали Конотоп и они потом еще в течение нескольких дней догоняли полк.

Надо отдать должное командиру полка, он в течение кратчайшего времени привел полк в «порядок» и четко органи-

зовал погрузку в уже поджидавшие «персональные» вагоны, которые прицепляли к попутным поездам в обратном направлении, до самого Кунгура.

Вернувшийся в Кунгурский учебный центр полк в третий раз «засадили» за учебу.

Впоследствии, этот эксперимент Генерального штаба с «суматошным» и бестолковым совершением марша железнодорожным транспортом вошло в историю полка под ироничным названием – «Операция «Конотоп». Но на этом приключения полка не окончились.

ДИАРЕЙНЫЙ ЭШЕЛОН

Наконец в феврале 1973 года полк вырвался из надоевшего Кунгура и убыл на государственный полигон Эмба (Казахстан) для получения техники и проведения стрельб.

Но и здесь, на Эмбе, все сложилось очень не просто.

«На дворе» стояла лютая казахская зима. Полк поселили в одиноко стоявшей 5-ти этажной казарме с плохим отоплением, без воды, с неработающими туалетами.

Начали получать технику и проводить на ней «стыковочные» мероприятия. Но здесь сразу всплыла одна «странность» – техника-то была в экспортном исполнении и стало ясно – она не для полка. Полку объявили, что этот комплект техники надо «состыковать», «отстрелять» и передать представителям из Египта, а вот следующий комплект уже будет для полка. Все требуемое сделали. Но следующий комплект техники опять оказался для арабов и так было еще раза три.

Прошла зима, а за нею и большая часть весны. Полк из казармы переселился в полевой палаточный лагерь. Наконец стала поступать техника и для измученного долгими ожиданиями полка. К этому времени личный состав уже на «отлично» знал технику и получил огромный опыт проведения боевых стрельб.

Поэтому, при приемке техники задержки были только из-за отказов по вине заводов-изготовителей. С представителя-

ми этих заводов (т.н. «заводчиками») работали очень «плотно», настолько «плотно», что пару полковых офицеров женились на молоденьких «инженерах-заводчицах» (которые к стати и в будущем оказывали большую помощь в ремонте техники полка). Вдобавок, нашелся еще один молоденький, но шустрый сверхсрочник, который умудрился жениться даже два раза.

Наконец, в июне полностью закончили получение своей техники и провели «стыковочные стрельбы». Остался последний этап: проведение боевых зачетных стрельб и после этого – ДОМОЙ!!!

Но тут полк постигла новая БЕДА. Его личный состав элементарно «обгадился» в прямом смысле этого слова так, как подхватил дизентерию, которая, как известно, является болезнью «грязных рук». Ну, а грязи в полевых условиях было предостаточно.

И вот эта зараза начала «косить» ряды невезучего, но по-прежнему лихого полка. Его значительная часть «перебралась» в местный госпиталь, в котором было развернуто дополнительное инфекционное отделение, а в полевом лагере ввели карантинный режим. Командир полка сам подозрительно часто куда-то бегал. Дело дошло до того, что стрелять было почти некому и полигонное начальство уже собиралось перенести стрельбы на более поздний срок. Но полк уже почти 10 месяцев был в командировке и комполка всеми правдами и неправдами добился, что бы дату стрельб не меняли.

С трудом набрав личный состав, необходимый для стрельб (половина, из которого была поражена диареей), полк героически вышел на огневой рубеж и выполнил зачетные боевые стрельбы с «отличной» оценкой.

Радостно стали собираться домой. С трудом выбили эшелон, но санитарные службы «на отрез» отказались давать разрешение на выезд за пределы государственного полигона.

Всё же, с большим трудом такое разрешение удалось получить с условием, что по прибытию в ЧССР полк будет размещен в карантинном лагере (окруженный «колючкой» и с соответствующим контролем со стороны медиков). На том и порешили. Загрузились, двинулись в 11-дневный обратный путь. По предложению полкового врача в профилактических целях командир полка разрешил выдать спирт с размешанной в нем солью, а затем всю дорогу всех "пичкали" левомецетином, кормили глюкозой и поили сладким чаем.

Но все равно, по пути следования полк на больших станциях оставлял за собой весьма специфический след. На них подъезжали санитарные машины и снимали с эшелона заболевших вояк с тяжелым течением болезни.

Так добрались до границы (станции Чоп). Здесь предстояла перегрузка на платформы с узкой (европейской) колеёй. К удивлению, с чехословацкой санитарной службой особых проблем не возникло. Им хватило обещания по прибытию «на место» разместить личный состав в карантине.

Перегрузились, поехали. Наконец, остатки личного состава

ва полка прибыли на новое места своей дислокации (домой). Семьи офицеров и прапорщиков были уже там. Был готов и карантинный лагерь, однако в нем в основном разместились бойцы срочной службы, а офицеры потихоньку «рассосались» по домам. И «Слава Богу», свое развития дизентерия здесь не получила, вероятно окончился инкубационный период, все явные больные были уже выявлены и отправлены в госпиталя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.